

Цяо Цзысюань размышлял о том, что, раз он только что примкнул к отряду, пора бы проявить себя и доказать свою пользу. Хотя у него имелось пространственное хранилище, позволявшее переносить припасы, у остальных участников тоже были свои способности. Вспомнив ту странную птицу, а теперь и этого высокого, внушающего ужас саблезубого зверя, Цяо Цзысюань решил: пока эти люди не угрожают его жизни и не переходят черту, он останется с ними, пока не найдет место, где можно будет безопасно осесть. Сейчас он даже порадовался, что принял приглашение Гун Линфэна и вступил в группу, а не отказался из-за своей природной подозрительности и холодности. От такого чудовища, даже имея пространственное хранилище, можно чудом спастись один раз, может, два, но если столкновения станут частыми, удача рано или поздно изменит. С отрядом всё иначе: по крайней мере, в плане совместной обороны у него теперь есть надежная защита.

— Где его слабое место? — едва успев перекинуться парой слов с Лянь Юем, Цяо Цзысюань, подгоняемый ветром, подлетел к Гун Линфэну, окутанному электрическими разрядами, и громко спросил. Сян Цинь по-прежнему сидел на голове монстра, непрерывно атакуя её земляными шипами.

— Только глаза! — не оборачиваясь, прокричал в ответ Гун Линфэн. Однако частота разрядов в его руках заметно снизилась, а фиолетовое сияние стало тускнеть. То же самое происходило и с остальными: атаки соратников теряли свою мощь. Саблезубый зверь получил немало ран, земля уже пропиталась кровью, и запах её вперемешку с кисловатым привкусом дождя был просто невыносим. Но зверь, казалось, лишь разъярился: чем больше он страдал, тем громче ревел. От этого рёва у Цяо Цзысюаня дрожала почва под ногами. Внезапно он увидел, как Сян Цинь наконец вонзил длинный тонкий земляной шип прямо в левый глаз чудовища. Зверь издал оглушительный вопль, Сян Циня резко отбросило в сторону, он покатился по залитой дождем земле, выплюнул сгусток крови и замер — похоже, ранение было серьезным. Лянь Юй поспешил к нему на помощь.

Гун Линфэн и остальные принялись изо всех сил швырять в левый глаз зверя всё, что было под рукой. На мгновение это место окрасилось во все цвета радуги. Цяо Цзысюань поспешно поднял правую руку, выпуская три тонкие изумрудные иглы. Он всегда полагался на свои обостренные чувства, и раньше иглы никогда не промахивались, но сейчас все три прошли мимо. Огромное тело зверя с невероятной ловкостью уклонилось от атаки, и иглы, ударившись о шкуру, издали звон, словно попали в металл, а затем упали в кровавое месиво.

В тот миг Цяо Цзысюань недоверчиво распахнул глаза. Он понял, что недооценил врага, а это непростительная ошибка для практикующего, особенно в бою с сильным противником. Цяо Цзысюаню пришлось вложить духовную энергию в иглы и атаковать снова. На этот раз одна из трех игл вонзилась прямо в правый глаз зверя. Хотя результат его не до конца удовлетворил, он всё же не провалился, ведь иглы были пропитаны сильнейшим ядом. Неизвестно, было ли это совпадением, или Гун Линфэн всё время следил за ним, но в ту же секунду, когда игла вошла в глаз, ударила фиолетовая молния Гун Линфэна. Саблезубый зверь взревел, в этом звуке слышалась предсмертная агония, и он рухнул на землю. Правая глазница превратилась в кровавое месиво, плоть вокруг обуглилась — игла послужила проводником для электрического разряда.

— Гу Мэн, забирай энергетическое ядро. Сяо Линь, проверь, на ходу ли машина. Ци Жуй, посмотри, что с Сян Цинем. Лянь Юй, будь начеку, — Гун Линфэн бросил на Цяо Цзысюаня

короткий, внимательный взгляд и тут же отвел глаза. Однако Цяо Цзысюань успел заметить в них пытливость. Он опустил голову, и уголки его губ дрогнули в усмешке. Пусть изучает — это не страшно. Ведь они до сих пор не доверяют ему, да и он сам не спешит открываться им. Пока что они просто соратники: помогают друг другу, сражаются бок о бок, но между ними нет той дружбы, которая подразумевает абсолютное доверие. Для Цяо Цзысюаня это был идеальный формат отношений. Его собственный характер был довольно отстраненным, и такая манера общения — взаимная осторожность, постепенное прощупывание почвы и попытки принять друг друга ради выживания — казалась ему очень комфортной.

Хотя истинная цель, ради которой Гун Линфэн пригласил его в отряд, оставалась загадкой, в краткосрочной перспективе это был лучший выбор. По крайней мере, после этого боя он понял, что явно недооценил мутировавших животных, или, вернее, мутировавших монстров этого мира.

Гун Линфэн сделал два шага в сторону Сян Циня, как вдруг пошатнулся и опустился на одно колено. Услышав звук, Цяо Цзысюань поднял голову и увидел, что спина белого защитного костюма мужчины насквозь пропиталась кровью. Когда Ци Жуй подхватил его под руки, оба едва заметно дрожали — похоже, силы были на исходе. Цяо Цзысюань, немного помедлив, быстро подошел и подставил плечо Гун Линфэну: как новичку в отряде, ему следовало проявить лояльность к лидеру.

— Ты в порядке? — Цяо Цзысюань только сейчас разглядел их лица: мертвенно-бледные, губы лишились всякого цвета. Даже сквозь защитные шлемы было видно, в каком они состоянии. Тело Гун Линфэна мелко тряслось, Ци Жуй выглядел не лучше. Цяо Цзысюань взглянул на Сян Циня, которого придерживал Лянь Юй — тот выглядел совсем безжизненным. Только сейчас он осознал, сколько сил они потратили в этом бою.

— Нам нужно найти место для отдыха, — Лянь Юй подвел Сян Циня, его глаза постоянно сканировали окрестности. Сяо Линь, осмотрев машину, подошел к ним, опустив руки. Его спина была сгорблена, лицо — бледнее полотна. Он уже хотел что-то сказать Гун Линфэну, но вдруг зашелся в приступе кашля.

— Фэн-гэ, энергетическое ядро у меня, — Гун Линфэн только собрался ответить, как подошел Гу Мэн. В белой защитной перчатке он держал окровавленный кристалл размером с гусиное яйцо. Он не был идеально гладким, а состоял из множества острых граней. Цяо Цзысюань впервые видел энергетическое ядро вблизи — то, что осталось от странной птицы, убрали раньше, чем он успел разглядеть.

— Уходим, вернемся в здание, здесь слишком сильный запах крови, — Гун Линфэн знаком велел Лянь Юю спрятать ядро. Он взглянул на хмурое небо, затем на тушу саблезубого зверя и на своих братьев. По правде говоря, кроме Лянь Юя, никто из них сейчас не выдержал бы еще одного боя. Цяо Цзысюань держался неплохо. Взгляд Гун Линфэна задержался на нем, прежде чем снова переместиться. Встретившись с этими глубокими, серьезными глазами, Цяо Цзысюань почувствовал, как сердце пропустило удар, и поспешно отвел взгляд. Ему показалось, что Гун Линфэн в этот миг заглянул прямо в его душу, разглядев тайны, которые он так тщательно скрывал.

— Фэн-гэ, Сянь сказал, что они движутся по графику и должны прибыть даже чуть раньше, чем планировалось, — едва они вернулись в здание и расселись на полу вдоль стен, как на запястье Ци Жуя ожил коммуникатор.

— Хорошо. Скажи ему, чтобы маршрут не менял, пусть будет осторожен, — для них это была хорошая новость. После боя они были в таком состоянии, что любая неожиданность могла закончиться трагически. Скорое прибытие подкрепления означало, что можно будет выдохнуть.

Сейчас они были слишком измотаны, чтобы самим идти на встречу. Лянь Юй достал из хранилища окровавленное ядро, ополоснул его водой из бутылки и протянул Гун Линфэну, а сам встал на караул. Цяо Цзысюань сидел в стороне, не проронив ни слова.

— Ци Жуй, Сяо Линь, поглощайте энергию ядра саблезубого зверя. Лянь Юй, отдай мне ядро огненной птицы. Гу Мэн, поглощай металлическое ядро, которое мы нашли раньше. Цяо У... присмотри за Сян Цинем. Лянь Юй, осмотрись по сторонам, — Гун Линфэн говорил с трудом, часто прерываясь на тяжелое дыхание. Было видно, что он совсем плох.

— Есть, — ответили остальные и принялись за дело. К удивлению Цяо Цзысюаня, Гун Линфэн доверил ему присмотр за Сян Цинем. Впрочем, выбора у них не было — кроме него и Лянь Юя, никто не был в состоянии двигаться.

Возможно, из-за того, что их способности пробудились недавно, они сильно уступали его собственной ментальной силе. Из всей группы он был лучше всего знаком с Сян Цинем — тот говорил с ним больше остальных. Цяо Цзысюань кивнул и подошел к нему. Ци Жуй как раз дал ему какое-то лекарство. Сян Цинь был покрыт порезами от чешуи саблезубого зверя, и Ци Жуй, взяв тубик с мазью и бинты, собирался перевязать раны.

— Давай я, а ты иди поглощай энергию, — Цяо Цзысюань протянул руку, забирая у Ци Жуя вещи. Теперь они в одной лодке, и в этом безумном мире в одиночку ему точно не выжить. Конечно, он мог бы спрятаться в своем пространстве, но человек — существо социальное. Те полгода, что он провел в изоляции, едва не довели его до безумия. Сейчас он меньше всех хотел бы, чтобы этот отряд распался.

— ...Спасибо, — Ци Жуй несколько секунд молча смотрел на него, а затем передал всё необходимое. Проходя мимо, он тихо прошептал слова благодарности. В тишине зала это прозвучало так отчетливо, что услышали все.

— Мы же соратники, — Цяо Цзысюань поднял голову и одарил его мягкой, успокаивающей улыбкой. Ци Жуй на мгновение замер, а затем отошел к Сяо Линю, чтобы вместе поглощать энергию.

— Господин Чжуан, у них не одно ядро!

— Пошел вон! — в зале внезапно раздались два голоса: один принадлежал Лянь Юю, другой — незнакомцу. Следом послышался жадный смех.

Цяо Цзысюань поднял голову и увидел, как Лянь Юй отступает со стороны лестницы, ведущей в подвал, прикрывая собой остальных и принимая оборонительную стойку. Круг защиты становился всё меньше, пока в поле зрения не появились непрощенные гости. Их было человек пять. В обычное время они не представляли бы угрозы, но только не сейчас. Цяо Цзысюань видел тревогу в глазах Ци Жуя и остальных. Не подавая виду, он подвинул Сян Циня поближе к Гун Линфэну, передал лекарства и бинты Ци Жую, который еще не успел начать поглощение, и встал рядом с Лянь Юем, холодно глядя на людей с оружием.

В их лицах, в этих сальных улыбках Цяо Цзысюань видел лишь жадность. В центре стоял их главарь, чьи глаза, едва заметив Цяо Цзысюаня, остановились на нем. В этом взгляде читалось нечто до тошноты знакомое. Главарь расхохотался, не скрывая своего презрения.

— Малыш, иди-ка к нашему господину Чжуану, тогда останешься в живых, — снова подал голос тот же мужчина. Цяо Цзысюань перевел взгляд на него: типичный прихвостень из второсортных боевиков — острый нос, крысиные глазки, желтые зубы. Больше всего его позабавили золотые цепи, увешанные на шее и запястьях этого типа. Цяо Цзысюань молчал. Оказывается, в этом мире есть одна вещь, которая не изменилась с приходом апокалипсиса — любовь к золотым побрякушкам.

— Убирайтесь, пока целы! — Лянь Юй, то ли намеренно, то ли случайно, вытащил из хранилища тяжелый пулемет, направляя его на бандитов, и сделал шаг вперед, перекрывая господину Чжуану возможность глазеть на Цяо Цзысюаня.

— Смешно. Убраться? Ты бредишь? Мы наблюдали за вашей схваткой с самого начала. Кто бы мог подумать, что вы выживете, да еще и добудете такие трофеи. Что ж, спасибо за ядро и припасы, мы их с радостью заберем. Хотите жить — отдавайте всё, что есть, и... того смазливового паренька, — продолжал сыпать угрозами прихвостень. Его наглость выводила из себя, а бандиты, решившие пожить за чужой счет, лишь глумливо смеялись, словно добыча уже была у них в кармане. Впрочем, ситуация действительно была критической. Но когда Цяо Цзысюань услышал последнее требование, уголки его губ дернулись в странной, пугающей улыбке.

— Я вам нужен? — Цяо Цзысюань оттолкнул Лянь Юя. На его юном, чистом лице играла невинная, но в то же время соблазнительная улыбка, а черные глаза сияли, как нефрит. По крайней мере, именно так это выглядело в глазах господина Чжуана. Видя, как в глазах главаря разгорается похоть, Цяо Цзысюань почувствовал прилив ярости. Сначала тот очкарик, теперь этот Чжуан — они перешли все границы. Любого нормального мужчину взбесило бы, если бы его так нагло раздевали взглядом, а тут — сразу несколько случаев за два дня. А главное... этот тип назвал его смазливым пареньком! Цяо Цзысюань рассмеялся от ярости, глядя на смертников, которые даже не понимали, что их ждет.

— Цяо У, — Цяо Цзысюань сделал шаг вперед. Господин Чжуан довольно осклабился. Позади послышался резкий оклик Гун Линфэна. Цяо Цзысюань остановился и оглянулся.

— М?

— Вернись.

Это был первый раз, когда Гун Линфэн говорил с ним таким тоном. Внешне ничего не изменилось, его лицо по-прежнему оставалось бесстрастной маской, но Цяо Цзысюань уловил в голосе... беспокойство? Он внимательно посмотрел на мужчину, который спас его при первой же встрече, и ободряюще улыбнулся. Это чувство — когда кто-то о тебе заботится — было таким приятным. Пусть он не знал, искренне ли беспокойство Гун Линфэна, но сердце Цяо Цзысюаня, так долго страдавшее от одиночества, внезапно согрелось.

— Всё в порядке, — он покачал головой, не дожидаясь реакции лидера, и повернулся к бандитам. Раз Гун Линфэн беспокоится, он не хотел больше затягивать спектакль. Он уже собирался разобраться с ними, как вдруг из глубины подвала донесся шум: женские крики, плач и... грубая мужская ругань. Напрягая слух, Цяо Цзысюань отчетливо услышал звуки побоев.

— Бесполезные отбросы! Не могут справиться с парой баб? Иди посмотри! — господин Чжуан недовольно нахмурился и рявкнул на одного из своих людей. Тот поспешно бросился в подвал.

Крики о помощи становились всё громче, а затем раздался выстрел. Лица Ци Жуя и остальных помрачнели. Цяо Цзысюань оглянулся на Гун Линфэна — тот тоже смотрел в сторону подвала, плотно сжав губы. В следующее мгновение, когда никто из бандитов не был готов, Цяо Цзысюань молниеносно рванул вперед. Серебристый блик прорезал воздух — это было быстро и смертоносно. Не прошло и нескольких секунд, как оружие из рук бандитов оказалось у него, а сами они схватились за пробитые запястья, корчась от боли. Ци Жуй и остальные смотрели на него с недоверием. Лишь Гун Линфэн оставался невозмутимым — он уже видел его в деле, когда они сражались с саблезубым зверем. Его поразило не столько мастерство, сколько оружие — обычная швейная игла. В наше время такие вещи стали редкостью, большинство детей из обеспеченных семей даже не знали, что это такое.

— Не подходите! — Цяо Цзысюань с застенчивой улыбкой сделал шаг к попятившимся бандитам.

— Вы же хотели, чтобы я подошел? Что, теперь передумали? — он вертел в пальцах серебряную иглу. Эта была длиннее предыдущих и отливала кроваво-красным.

— Господин Чжуан, одна из женщин... она умерла, — человек, посланный в подвал, вернулся и прошептал это на ухо главарю. Хотя он говорил тихо, в воцарившейся тишине, нарушаемой лишь шумом дождя, слова отчетливо слышали все.

— Лянь Юй, что там происходит? — спросил Гун Линфэн. Лянь Юй, плотно сжав губы и нахмурившись, с нескрываемой яростью смотрел на раненых бандитов. Раньше, из-за слабости отряда, им приходилось сдерживать гнев, но теперь, когда Цяо Цзысюань подавил врагов, эмоции вырвались наружу.

— Они держали там людей. И мужчин, и женщин, — ответил Лянь Юй, не сводя глаз с бандитов. Те дрожали, переводя взгляд с хрупкого на вид Цяо Цзысюаня на разъяренного Лянь Юя, и жались друг к другу.

— М? — Гун Линфэн издал вопросительный звук, словно ожидая продолжения, но его взгляд был прикован к подвалу. Оттуда доносились истошные крики, и всем стало ясно, что там творится.

— Подонки! — после трагедии в его семье психика Цяо Цзысюаня стала неустойчивой. Он не выносил, когда слабых обижают, хотя порой сам становился пугающе холодным. Он знал, что с ним что-то не так, но никто не мог заменить ему родителей, никто больше не дарил ему той искренней заботы и ворчливой любви.

Цяо Цзысюань перестал улыбаться. Его лицо стало ледяным. Он подошел к бандитам и, не обращая внимания на их жалкие попытки сопротивления, одним за другим вырубил их ударами рукояти пистолета. Не сказав ни слова, он направился в подвал.

— Лянь Юй, свяжи их, — Гун Линфэн и остальные, продолжая поглощать энергию, наконец вздохнули с облегчением. Если бы они, прошедшие через столько испытаний, погибли от рук таких отбросов, это было бы верхом несправедливости.

Когда Цяо Цзысюань вошел в подвал, его едва не вырвало. Запах крови и чего-то еще более отвратительного ударил в нос. Смесь красного и белого... Цяо Цзысюань должен был признать, что ничего более омерзительного в жизни не видел. Мужчины и женщины в самом унижительном положении — слезы, кровь, опухшие лица, следы от побоев и укусов. Цяо Цзысюань, затаив дыхание, выпустил несколько пуль в тех, кто продолжал свои грязные дела. Казалось, они окончательно обезумели: их руки и лица были в крови, но они продолжали скалиться даже в момент смерти. Цяо Цзысюань зажмурился и отвернулся.

— Одевайтесь, — услышал он собственный голос. Не оглядываясь, он вышел из подвала. Позади остались рыдания, бред и... безумный смех. В тот миг Цяо Цзысюань почувствовал, как что-то в его сердце, которое, казалось, умерло вместе с родителями, дрогнуло. В горле встал ком, и он сам не мог понять, почему.

<http://bllate.org/book/22414/2353332>